

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

ВАШИНГТОНСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

К Р О К О Д И Л

№ 5 (1367) МОСКВА 20 ФЕВРАЛЯ 1954

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXII

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

Из НИКИФОРОВКИ

Со времён Домостроя и до наших дней ведомственная литература, написанная в жанре инструкций, приказов и распоряжений, страдала целым рядом существенных изъянов. До сих пор, например, днём с огнём не сыщешь добротной инструкции «Как пользоваться столовой ложкой», нет и в помине толкового наставления «О шнуровке ботинок» или развёрнутого руководства «Как сушиться после дождя».

А между тем отсутствие этих и других подобных им поучений крайне пагубно сказывалось на поведении отдельных людей и даже целых организаций. Не имея письменных указаний на все случаи жизни, возчик, чего доброго, может допустить отсебятину и запряжёт мерина задом наперёд, железнодорожный машинист вздумает свернуть свой паровоз с рельсов и что есть духу припуститься по обочине, а какой-нибудь строитель поведёт дымоходную трубу не кверху, а книзу.

В связи с этим заслуживает похвалы начинание Тамбовского областного управления сельского хозяйства, взявшего на себя смелую инициативу снабжать механизаторов области директивами, в которых изложены давно всем известные истины.

Так, в краткой, но выразительной директиве «О подготовке железных бочек к полевым работам», разосланной по МТС, управление заботливо поучает:

«Железная бочка считается отремонтированной, если она при испытании не даёт течи, если она обеспечена металлической пробкой с прокладкой и приспособлением для пломбирования».

Прочитали механизаторы Никифоровской МТС это мудрое поучение своих управленческих опекунов и пришли в неопишумый восторг.

— Земной поклон и многая лета областному управлению за то, что научило нас, недоумило! — в один голос заявили они. — Теперь-то мы твёрдо знаем, как отличить хорошую бочку от дырявой!

Следует сказать, что механизаторы Никифоровской МТС и раньше не жаловались на отсутствие подобной помощи со стороны областного управления. Чем-чем, а жанром директив областные руководители овладели мастерски. Только за последний месяц они сумели пополнить скоросшиватели машинно-тракторной станции 147 новыми приказами, указаниями и назиданиями.

Что же касается кое-где бытующего метода живого руководства колхозами и МТС, то этот метод, как старый и довольно хлопотный, сдан в архив и предан забвению.

Правда, Никифоровские механизаторы, как о чрезвычайном происшествии, рассказали нам о приезде к ним ответственного работника управления тов. Простосердовой. Говорят, она пошумела, помахала руками, а потом составила акт и уехала. Как о мимолетном видении, механизаторы вспоминают о приезде ещё одного работника областного управления. Они хорошо помнят, что это была женщина, но зачем приезжала, по какому делу, не знают. Фамилию её, как ни бились, тоже так и не вспомнили.

Но все эти факты отнюдь не говорят, будто областное управление не помогает Никифоровской МТС.

Однажды зимним утром по усадьбе МТС разнёсся слух:

— Областное управление шлёт к нам специалиста! В нашу МТС едет главный инженер!

НИКИФОРОВКУ

Слух подтвердился. Под вечер возле конторы остановилась машина, из которой вышел вновь назначенный главный инженер.

— Георгий Семёнович Гуськов-Бомба! — отрекомендовался он. — Прибыл согласно предписанию областного управления.

— Братцы, а ведь инженер-то наш вроде того... пошатывается! — изумились встречавшие.

— Это его в дороге укачало, — сказал кто-то. — Он ещё осмотрится.

Полтора месяца осматривался Гуськов-Бомба. А так как забегаловок в Никифоровке не так уж много, то осмотр этих богоугодных заведений приходилось делать по нескольку раз в день.

Морозным январским утром по усадьбе МТС разнёсся новый слух:

— Главного инженера за пьянство снимают! Слёз не было. Была досада. Механизаторы досадовали на руководителей своего областного управления, которые не оправдали их надежд и вместо технического организатора подсунули им пропойцу.

Областное управление оказало также существенную помощь МТС и в вопросах строительства. Решено было соорудить в Никифоровке тёплую ремонтную мастерскую. Возведение этого одноэтажного сооружения поручили начальнику строительномонтажной конторы областного управления сельского хозяйства Виталию Яковлевичу Капцеловичу.

— Замечательно! — Механизаторы радостно потирали руки. — Теперь никакие морозы не мешают нашей работе. Ремонтить машины будем в тёплой мастерской. Товарищ Капцелович постарается, не подведёт!

Строитель действительно постарался. К зиме помещение мастерской было готово. Теперь механизаторы ходят и опять потирают руки. Только не от удовольствия, а от холода.

В мастерской стоит тот же лютый мороз, что и на улице. Ни градусом меньше! А произошло это потому, что прославленный строитель не пожелал возиться с таким пустяком, как котельная, предоставив ремонтникам неограниченную возможность обогреваться подручными средствами.

Чтобы не обморозиться в новой мастерской, механизаторы одеваются так, что они скорее похожи на копну, нежели на подвижного человека. А ведь им нужно готовить к весне машинный парк! И хотя они сами сознают всю ответственность за подготовку к предстоящей весне, им также постоянно напоминают об этом и директивы областного управления.

Кстати, о директивах, поступающих из области. В них, как в песенке «О корзиночке», есть все, «что угодно для души»: о порядке ремонта тракторов, о сборе лома, о шплинтах и шайбах. И ни одного пункта о механизаторе, о его работе, отдыхе...

По примеру областных организаций работают и местные руководители.

...В заиндевевшей мастерской, построенной В. Я. Капцеловичем, мы увидели за работой двух совсем ещё молодых токарей — Эдуарда Тамбовцева и его тезку Эдуарда Тугеева. Оба они прибыли сюда из Подмосковья.

— Хорошие ребята! — отозвался о них секретарь партийной организации МТС тов. Е. И. Киселёв. — Работают что надо!

— А как вы их приняли, устроили? — поинтересовались мы.

— Устроили в общем ничего, — последовал ответ.

В русском языке слово «ничего» не выражает чего-либо определённого. Поэтому, чтобы уяснить смысл этого слова, мы зашли в комнатку сторожика, где поместили юношей. Ничего утешительного не было в таком размещении. В углу стоял дощатый топчан, один на двоих. Вместо подушек — книги. На этом отшельническом ложе два Эдуарда отдыхали после работы.

Впрочем, такая участь постигла не только юных Эдуардов. Старые, кадровые механизаторы заботами областного управления и местных органов поставлены не в лучшее положение.

...В один из вечеров мы зашли на вокзал. В прокуренном зале для пассажиров была чуть ли не половина всего людского состава Никифоровской МТС. Некоторые из них, разложив на коленях неприхотливый ужин, не спеша закусывали, а кое-кто, разувшись, сушил валенки у круглой, пышущей жаром печи.

Многие училища механизации сельского хозяйства зачастую не обеспечены необходимым инвентарём для практических занятий.

— Далеко едете? — спросили мы у человека с развёрнутой газетой в руках.

— Из Никифоровки в Никифоровку, — слышалось в ответ.

И, перебивая друг друга, посетители зала для пассажиров поведали о своём житье-бытьё. Многие из них, особенно те, которые живут за 10, 15 и более километров, каждый вечер приходят сюда, потому что больше податься некуда. Ни в посёлке, ни на усадьбе МТС нет ни бани, ни клуба, ни врача. Некоторые здесь и ночь коротают, так как энтэзовское общежитие (если так можно назвать крохотную комнатушку, обставленную нестроганными топчанами) не вмещает и пятой доли нуждающихся в ночлеге.

— А вы сходили бы к директору МТС Михаилу Михайловичу Вискубову, — посоветовали мы.

— Ему некогда этими вопросами заняться. У него много времени уходит на поездки домой, в Мичуринск. Два года директорствует и оба года, сердечный, мается с этими поездками. О нас-то и подумать некогда.

— Так вы пожалуйста секретарю райкома.

— Это какому же секретарю? Первому? Дмитрию Ивановичу Мамонову, что ли? Ну, это — совсем пустое дело! Ведь он тоже два года секретарствует в Никифоровке, а квартирует в Тамбове. Там у него квартира и всё такое прочее. До нас ли ему?..

...Дмитрий Иванович Мамонов очень обиделся, когда мы ему намекнули на его невнимание к насущным нуждам механизаторов, да и всего населения райцентра.

— А что я могу поделать? — развёл он руками. — У меня тоже в здешней квартире минус пять градусов...

Мы от души посочувствовали... не Д. И. Мамонову, а Никифоровским механизаторам. При таком внимании к ним со стороны первого секретаря райкома им ещё долго придётся обсушиваться в зале для пассажиров и спать на нестроганных топчанах.

* * *

В Тамбове много говорят о предстоящей весне. Но всё это разговоры вокруг да около. Вместо живого руководства областное управление сельского хозяйства рассылает директивы о простых, всем известных истинах, вроде той, где говорится, что бочка считается отремонтированной только в том случае, если она не имеет течи. Но о большой армии специалистов-механизаторов умалчивают. Не занимаются ими и местные организации. А ведь без механизатора весна не будет красна.

И. КОСТЮКОВ

Зарисовки Е. ГОРОХОВА.

с. Никифоровка,
Тамбовской области.

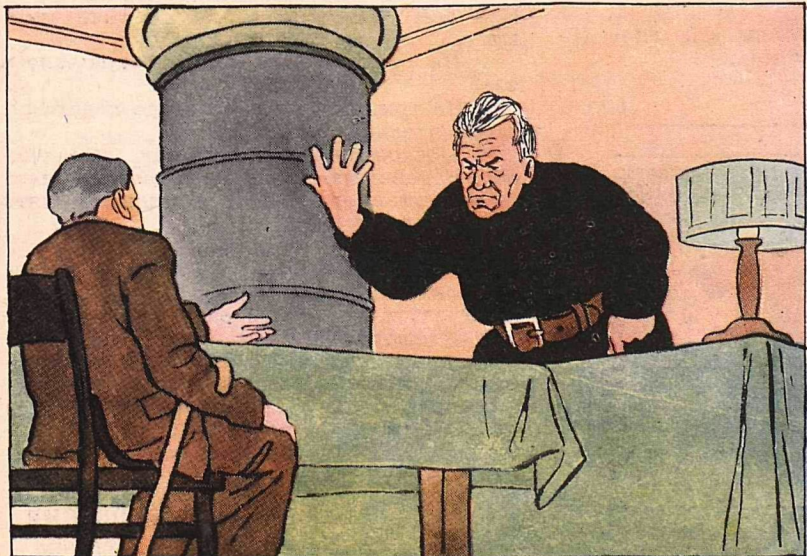

Рисунок Г. ВАЛКА.

— Пока практикуйтесь на том, что есть, а после мы постараемся достать остальные части этого самоходного комбайна!

БУТАФОРΙΑ

Как и полагается в хорошо организованном учреждении, заместитель директора театра оказался на страже. Когда заведующий постановочной частью явился к нему со сметой будущего спектакля «Анна Каренина», заместитель директора взял шариковую ручку и, так сказать, собственноручно сократил смету на тридцать пять процентов. Напрасно заведующий постановочной частью пытался возражать:

— Позвольте, как же так! Ведь смета утверждена директором!

— Директор осуществляет общее руководство, — невозмутимо ответил заместитель. — А за финансы отвечаю я. Пора покончить с беспринципным шиком! И так уже в облыскомоме говорят, что наш театр отстаёт по линии экономии. Оперетта в прошлом году дала экономию в десять и ноль пять сотых процента. А что дали мы? Поставьте в известность начальников цехов, чтобы они поднажали. В этом году мы должны получить премию за экономию. Тридцать пять процентов — и ни шагу назад! Или, может быть, вы против экономии?

— Нет, я, конечно, за экономию, но разумную. Мы и так сократились до минимума.

— Сократитесь ещё.

— Но ведь Анна Каренина вращалась в высшем свете, а высший свет для своего отображения требует соответственных расходов...

— Ну и пускай требует! У нас, знаете ли, свои требования. И отчитываться мы будем не перед общим высшим светом, а перед теми же областными организациями, которые упрекали нас в недооценке экономии.

Сократиться на тридцать пять процентов было почти невозможно, но в театре работал народ опытный и дисциплинированный. Призвав на помощь всю изобретательность, декораторы, бутафоры, электротехники, костюмеры, парикмахеры сократились, ужимались и уминались...

До первого спектакля всё шло без особых трений. Был, правда, случай: к театральному портному ворвался излишне темпераментный актёр и, потрясая мундиром, пытался прибегнуть к методу физического воздействия по старинной системе (до Станиславского).

— Это что такое? А? — кричал на портного артист. — Я играю Вронского в «Анне Карениной», а не Барона в «На дне»! Вам это понятно?

— Слава богу! Читали мы и то, и другое, и плюс ещё «Евгения Онегина»...

— Тогда вы должны знать: Вронский — гвардейский офицер, флигель-адъютант. На нём мундир должен быть, как литой!

— Это из бронзы, что ли?

— Что там бронза, вы хоть бы шевиот поставили!

— Это да!.. Из шевиота мундир — очень даже красиво!

— А вы сшили из байки!

— Кто же может узнать, что на вас байка? От вашей байки до первого ряда добрых десять метров. Неужели кто-нибудь из зрителей полезет через рампу, чтобы пощупать, байка на вас или шевиот!..

— Да она мнётся, ваша байка!

— Гладить будем. На то у нас теперь электроутюги. Хоть каждый антракт будем утюжить. Вот и всё. А рисковать выговором из-за какого-то там белогвардейца я не согласен!

— Вронский не белогвардеец. Он герой романа.

— Герой у Льва Толстого, если хотите знать, — Константин Левин. Ему бы я

костюм из панбархата сшил. Но Левина, славу богу, инсценировщик позабыл в пьесу вставить. И потом я вам вот что скажу, товарищ артист: дело не в мундире. Вы хотите, чтобы играл мундир, а играть, между прочим, должен актёр...

В это же время артистка, которой досталась роль Анны, ссорилась с парикмахером:

— По-вашему, эти рыжие патлы — волосы Анны Карениной?

— Почему это «патлы»? — оправдывался парикмахер. — Не патлы, а прекрасный, дорогой парик...

— Но он же рыжий, как у клоуна в цирке!.. А у Толстого сказано, что Анна была брюнеткой.

— Не понимаю, чего вы придираетесь? В этом парике Сервантова у нас играла в «Любови Яровой» и такой имела успех!

— Анна была брюнеткой, понимаете: брюнеткой! Чёрные волосы у неё были!

— Тогда возьмите вот этот парик, из «Девушек-красавиц».

— Да ведь он с чёлкой!

— А где сказано, что у Анны Карениной не было чёлки?

— У Толстого сказано.

— Вы актриса, художник. Вы имеете право трактовать роль по-своему.

— Я имею право требовать от вас новый парик!

— А вот этого как раз и нет. Дирекция распорядилась в целях экономии использовать парики от прежних постановок...

Наконец пришёл день премьеры. Зрители заполнили зал, не подозревая, что им покажут спектакль, поставленный по урезанной смете.

В антракте, прогуливаясь по фойе, зрители делились впечатлениями:

— Видать, она очень бедная была, эта Анна!..

— Почему ты так думаешь?

— Да как же: приехала из Москвы в Ленинград в жёстком некупированном.

— Во-первых, не в Ленинград, а в Петербург. Тогда Ленинграда ещё не было.

— А вагоны-то мягкие уже были?

— Были.

— То-то и оно! А она, сердечная, в каком убогом составе прибыла! Вагончик двуосный, окошки узкие. Не то от бедности, не то от скупости!

— Думаю, от скупости. Среди помещиков это было распространённое явление.

— Н-да... Бедновато жили эти Каренины!.. Мебель у них, надо прямо сказать, корявая. Сидят на табуретках, столы нестроганые. И откуда режиссёр такую мебельку раздобыл?

— Как откуда? Из пьесы «На дне». На прошлой неделе сам видел...

— А я помню, что у Толстого...
— Что у Толстого? В театре, небось, лучше тебя умеют вчитываться в писателя. Раз они так изображают, значит, так и было...

— А меня вот что удивляет: неужели такая плохая дисциплина была в царской гвардии? Посмотрите на Вронского: да если бы у нас сегодня офицер появился в подобном жёваном кителе, так ему бы влетело и по службе и по партийной линии... И правильно! Не позорь офицерского звания!

— Может, Вронскому ещё попадёт за это?

— Позвольте, при чём тут Вронский, если ему в театре сшили мундир из саржи?

— Вы думаете, это саржа? А мне показалось, будто фланель.

— Скорее всего мадаполам...

— Ну уж вы скажете!

— А что? Если у них занавески из бязи, ковры из дерюги...

— Ну что вы придираетесь? Это же бутафория!..

— Вася! Это где же теперь Анна живёт?

— По Толстому, она выехала на дачу.

— Не завидую.

— Кому? Анне?

— Нет, управляющему дачным трестом. За такое состояние дачного хозяйства ему запишут в личное дело...

— Что с тобой говорить, Вася! Отсталый ты человек! Ничего ты не понимаешь в помещичье-дворянском быте.

— Но и здешний режиссёр тоже мало разбирается...

В конце квартала дирекция театра докладывала о выполнении плана. Директор особенно напирал на экономию.

— «За отчётный период, — читал он по шпаргалке, — наш театр показал по последней постановке экономию средств на тридцать пять процентов».

Заместитель директора ободряюще кивал головой. В его заместительском мозгу теснились бурные мечты о наградах и премиях. Но вдруг председатель облыского ма перебил докладчика.

— А сборы у вас есть? — бестактно спросил он.

— Сборы? — ступевался докладчик. — Как же! Кое-какие сборы всё-таки имеются.

— На сколько процентов наполняете зал?

— На тридцать пять, — быстро подсказал заместитель директора.

— Поздравляю! Оказывается, вам удалось сэкономить не только тридцать пять процентов сметы, но и шестьдесят пять процентов зрителей!

— В каком, то есть, смысле?

— В том смысле, что вместо ста процентов зрителей к вам ходит тридцать пять. Получается, что ваша экономия — сплошная бутафория. Вот вы и подсчитайте, во сколько обходится государству такая экономия, которая отражается на качестве!

Говорят, что в этом театре уже всё подсчитали, правда, при посредстве новой дирекции. Как обстоит дело в других театрах, сведений пока нет.

В. АРДОВ, Н. ЛАБКОВСКИЙ

Рисунки Е. ЩЕГЛОВА.

На пашне

С каждым годом всё более совершенствуются конструкции советских тракторов и комбайнов.

Но конструкторы почему-то мало заботятся о совершенствовании плугов, борон и других почвообрабатывающих орудий.

Впервые выйдя в поле на простор,
Вёл новый трактор с плугом разговор.
— Во мне десятки лошадиных сил,—
Самодовольно трактор пробасил.
— А как я сконструирован отлично,
Я целину пашу, любой подъём беря.
Я — дизельный, я — сверхэкономичный!
Трудились надо мной конструкторы не зря.
Я — плод их долгих дум, дерзаний, размышлений.
Гордится мной советский человек.
Ведь вот таким, без всяких изменений,
Не стыдно въехать мне и в двадцать первый век!..
— Гордиться можешь ты по праву, милый друг,
А вот со мной беда,— ему ответил плуг.
— Конструктор за меня давно не брался,
Я устарел — в том не моя вина.
«Каким ты был, таким ты и остался»,—
Не обо мне ли песня сложена?
Я не один: вот, скажем, борона.
Хоть ладно скроена и очень крепко сбита,
Но ведь давным-давно...
И вот с тех пор она,
Повидимому, как и я, забыта.
Конструкторам, как видно, мы не любимы!
И мы на них давно уж точим зубы!
Не стыдно ли тебе меня, полукалеку,
В грядущее свой устремляя бег,
Тащить из девятнадцатого века
Вслед за собою в двадцать первый век?..

г. Харьков.

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ НЕВЗИРАЯ НА ЛИЦА

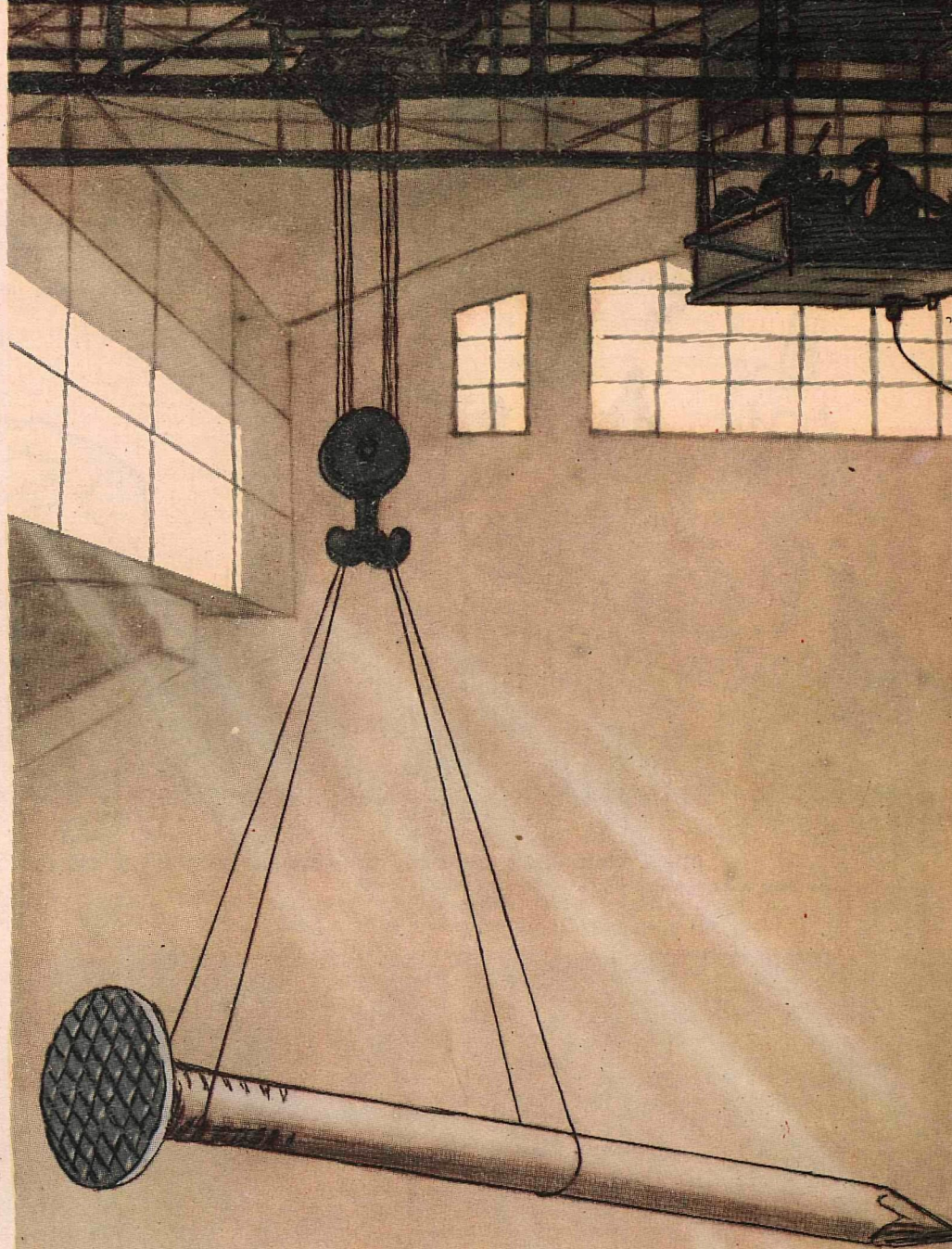
ЧУДЕСА В ВЕРЕЕ

С некоторых пор тов. Шутов, председатель одного из колхозов зоны Верейской МТС (Московской области), перестал быть самим собой. Случилось это после того, как с ним побеседовал специальный корреспондент «Московской правды» тов. Лохматов и написал в газете об опыте подготовки колхоза к весеннему севу.

В заметке, озаглавленной «В содружестве с тракторной бригадой» («Московская правда» от 19 января с. г.), ясно и недвусмысленно сообщалось, что тов. Шутов является председателем совершенно другой сельхозартели, да к тому же и расположенной в зоне не Верейской, а соседней Грибцовской МТС.

Но больше всего поразило председателя то обстоятельство, что под этим загадочным сообщением стояла... его собственная фамилия.

— Вот так чудеса! — изумился тов. Шутов. — Стало быть, я не я, и артель не моя, и сам же я в том расписался!

— Кому нужен такой гвоздь?
— Это пустяки! Главное — мы сразу выполнили план по гвоздям...

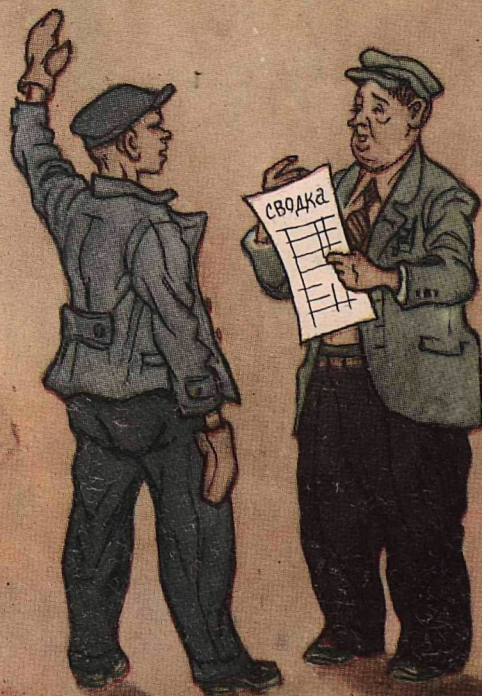
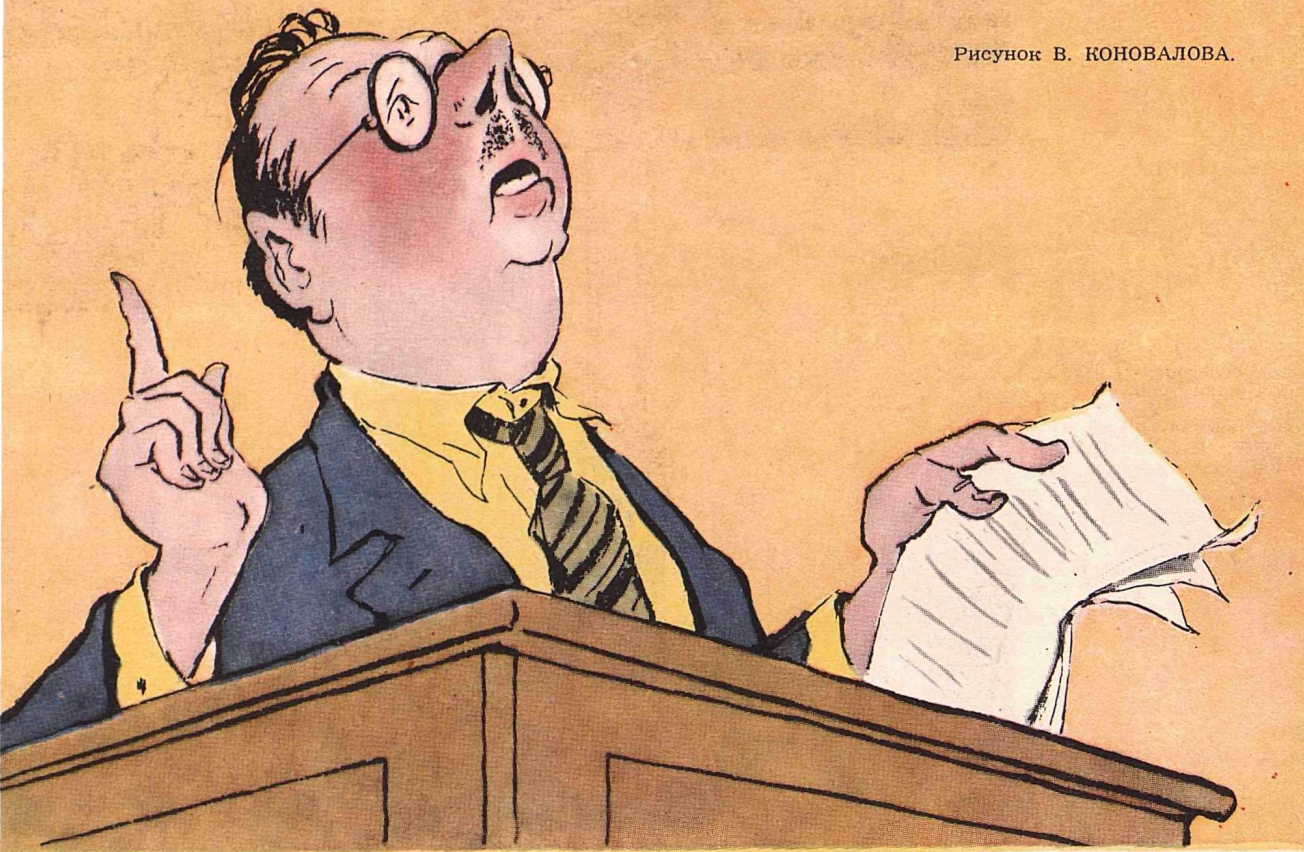

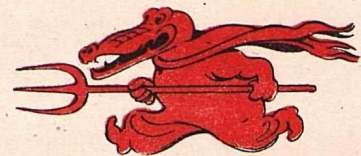
Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА.

— Мы, товарищи, широко применяем технику,— сказал докладчик,— но...

Эхо ему ответило: — Н-о-о-о... мертв-а-а-я-я!

ВИЛЫ В БОК

ВСЁ ХОРОШО...

Не забыли ли читатели игривую песенку «Всё хорошо, прекрасная маркиза...»?

Руководители белорусского «Главмаслосырпрома» до сих пор находятся под очарованием её весёлой мелодии. В конце прошлого года они построили в Полесской области Кировский масло-казеиновый завод, создали комиссию для приёмки своего творения и принялись читать акт, составленный комиссией.

«Завод... подлежит вводу в эксплуатацию,— заключила комиссия.— Санитарное состояние здания и дворового участка удовлетворительное». За исключением пустяка. Дальше бодрой скороговоркой перечисляются «пустяки»: «Водосточных труб нет. Крыльца нет. Отопления нет. Водопровода нет. Горячего водоснабжения нет. Электроосвещения нет. Оборудование пока не установлено». Словом: «Кобыла ваша околела, но это так, пустое дело».

Прочитал начальник белорусского «Главмаслосырпрома» товарищ Лысогорев искрящееся неоправданным оптимизмом заключение комиссии и подписал приказ № 301: «Считать законченным строительство масло-казеинового завода... и ввести в эксплуатацию».

Короче говоря, введённый в эксплуатацию завод не работает. «А в остальном... всё хорошо, всё хорошо!»

МАЛЮТКА, РАСПИШИСЬ!

— Граждане дети! Сейчас вы получите, так сказать, подарки. Они будут отданы в полное ваше распоряжение. Но предупреждаю: означенные ценности вручаются вам только под личную расписку. Проверяйте подарки, не отходя от деда Мороза, а затем в порядке живой очереди подходите расписываться в ведомости! Вы удивлены? Не понимаю, что здесь может быть удивительного? Виза лиц, получающих материальные ценности, то есть ваша виза, уважаемые товарищи дети, является важнейшим фактором бухгалтерского учёта. Ясно? Прошу ставить подписи!

Таков был неожиданный аттракцион, которым угостил детишек, собравшихся на ёлку в Московском хоровом училище, главный бухгалтер Карягин.

Энергичные протесты родителей не смогли поколебать непреклонную решимость главбуха.

Пришлось малышам построиться в очередь и, кто как умел, изобразить свои фамилии в указанной товарищем Карягиным графе.

А возмущённым папам и мамам не осталось ничего иного, как утешаться тем, что ретивый бухгалтер не работает в яслях. Там он наверняка заставил бы грудных младенцев расписываться в получении каждой соски и погремушки!

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА...

Папа пришёл домой. Портфель у него был подозрительно разбухший.

Маме это сразу бросилось в глаза.

— Поздравляю нарушителя, — иронически сказала она. — Опять за старое принялся?

— О чём ты? — удивился папа. — Почему нарушитель? Какое старое?

— Нарушитель, конечно, нарушитель, — настаивала мама. — По портфелю вижу, что нарушитель. Снова работу на дом принёс?

— Ах, ты о портфеле! — успокоился папа. — Нет, там другое. Понимаешь, зашёл по пути в магазин, увидел маринованную кильку в банках, и солёнышка очень захотелось. Решил купить.

Папа выставил на стол круглую банку. Сквозь зеленоватое стекло просвечивали серебристые рыбёшки. Они стояли аккуратным частоклом и все почему-то вниз головой. Когда банку открыли, мы увидели только хвосты — букет пропитанных рассолом рыбьих хвостов.

— Фу! — скривила губы мама. — Придумают же!

Сказав так, она попыталась подцепить рыбёшку вилкой. Но при том странном положении, какое было придано килькам, вытянуть их на свет божий оказалось чертовски трудно. Поддевали вилкой и так и этак — ничего не получалось. В конце концов, после того как с полдюжины рыбок было изувечено, дело всё же пошло на лад.

— А знаете, неплохо, — бодро сказал папа, пробуя консервы. — Пожалуй, солонваты, но нежные, и пряностей много. Вкусно, определённо вкусно!

Верно, кильки всем понравились.

Когда с закуской покончили, мама пошла за супом, папа от нечего делать придвинул к себе банку и стал рассматривать этикетку. Чем больше он вникал в её смысл, тем больше вытягивалось его лицо.

— Гм... удивительная вещь! — произнёс он.

Мама в это время вернулась из кухни. — Чему ты удивляешься? — спросила она.

— Да вот написано как-то странно, — ответил папа. — Но ты не волнуйся, это явная чепуха.

Мама заволновалась, взяла из папиных

рук банку и стала вчитываться в текст тусклой этикетки, на которой было изображено нечто, больше всего смахивающее на акулу. Слева, повыше акулы, шла надпись:

**КИЛЬКА КАСПИЙСКОГО ПРЯНОГО ПОСОЛА
ПРОДУКТ НЕ ПОДЛЕЖИТ
ДЛИТЕЛЬНОМУ ХРАНЕНИЮ
ХРАНИТЬ ПРИ ТЕМПЕРАТУРЕ
НЕ ВЫШЕ 0°С И НЕ НИЖЕ МИНУС 5°С**

— Продукт не подлежит длительному хранению... — подчёркивая слова, произнесла мама. — Как это понять? Что значит длительное хранение? Что это: пять лет, три года, год? А может быть, всего месяц — полтора?

— Не знаю, — сказал папа. — Но всё-таки год, должно быть, консервы лежать могут.

— Хорошо, — не стала спорить мама. — А как давно выпущены они?

Папа замялся.

— Я что-то не нашёл здесь даты выпуска, — виновато сказал он.

— Поздравляю! — произнесла мама своё любимое словечко. — Так сказать, приятного аппетита! Все сроки для несчастных килек, может быть, уже давно прошли, а мы узнаём об этом сейчас, когда полбанки съели...

Поверхность стеклянного сосуда снова подверглась тщательному исследованию. Особенно старательно был изучен квадратик газетной бумаги, криво приклеенный с противоположной стороны этикетки. Квадратик ясности не внёс, но зато отвлек внимание мамы от мыслей о возможном отравлении.

— Кто такой Ф. Шевченко? — спросила она, прочитав:

Главкасприбпром
Баутинский рыбокомбинат
Ф. Шевченко
Первый сорт

— Всему миру известен Тарас Шевченко, а Фёдор не известен.

Папа охотно подхватил разговор на литературную тему.

— Ошибаешься, Машенька, — сказал он. — Ф. Шевченко значит не Фёдор, а форт

Шевченко. Есть такой порт на Каспийском море. Туда в своё время был сослан автор «Кобзаря».

— Не понимаю, — пожалала мама плечами. — Если порт, тогда нужно было бы ставить «п», а не «ф». Впрочем, это неважно. Для нас гораздо важнее, что даты выпуска продукта на банке нет. Сейчас уже совершенно ясно, что мы (мама подчёркнула местоимение «мы») купили и дали детям консервы, которые не подлежат длительному хранению и которые пролежали на складе много лет.

Папа виновато молчал.

— И эти условия хранения! — продолжала мама. — Тут ясно сказано: хранить при температуре не выше нуля и не ниже пяти градусов Цельсия. Где, в каком магазине нашёл ты эти лабораторные условия?

— Да, такие условия даже для пеницилина не установлены, — сказал папа, который недавно прошёл курс лечения антибиотиками. — Таких условий кильки, конечно, не имели. По-моему, в магазине была комнатная температура, и мне их дали просто с прилавка.

Этого говорить не следовало. Мы все знали, до чего мнительна мама. Услышав о страшной комнатной температуре, в которой находились кильки перед тем, как попасть в наш дом, мама побледнела и несколько минут сосредоточенно молчала. Она будто прислушивалась к тому, что происходит в её организме. Потом сказала слабым голосом:

— Знаете, мне что-то плохо... мне что-то будто не по себе... Да и у вас у всех лица какие-то зелёные... Доигрались мы с кильками!

Папа замахал руками, засмеялся деланным смехом:

— Ну-ну, успокойся, Машенька! Это у тебя от воображения. Это в тебе мнительность говорит. Кильки, ей богу, хорошие. А вот этикетка глупая. Моя бы воля, я бы этих перестраховщиков, что составляли её, дубинкой по спине огрел... И брось ты, пожалуйста, думать о кильках. Уверю тебя, всё обойдётся...

В общем, папа оказался прав. Кильки не подвели. На второй день мы тайком от мамы прикончили их. Ели с удовольствием. Но покупать всё же больше не купали. Зачем волноваться?

Г. НОВОГРУДСКИЙ

ФОТО-ВИЖИНА

Кинонеподвижка

Во дворе исполкома Сортавальского райсовета депутатов трудящихся стоит засыпанная снегом машина — кинопередвижка районного отдела культуры.

И. ИВАКИН

г. Сортавала,
Карело-Финской ССР.

Подвижен культотдел не слишком,
Не видно к зрителям внимания:
Всё время кинопередвижка
Стоит на точке замерзания.

Е. ЕГОРОВ

Рисунок Б. ФРИДКИНА.

— Поймите же наконец! Гибкость нужна в работе, а не в продукции...

РУКА ИЗ МИНИСТЕРСТВА

Рисунок В. ПРОРОКОВА.

Семнадцать путешествий

В Дербенте трудно найти человека, который бы не знал, что в городе существует Дом пионеров. Эта повальная осведомленность объясняется, между прочим, именно отсутствием Дома как такового. Очень уж часто на виду у всех ребята, нагруженные оборудованием и мебелью, переключаются из одного конца города в другой. Наблюдая эту борьбу До-

ма пионеров за место под солнцем, дербентцы сокрушаются:

— Опять у бедных ребят отобрали помещение!..

У товарища Алиева, секретаря Дербентского райкома КПСС, подобные зрелища вызывали, однако, другую реакцию. Стоя у окна своего кабинета, он обычно ограничивается замечанием:

— А-а, опять эта неугодная пионерия ищет себе пристанища!..

Правда, летом минувшего года у многих создалось впечатление, что Дом пионеров переходит наконец к оседлому образу жизни. Случилось это после того, как

пионерам по праву было отведено одно из лучших зданий города. Перетащив имущество в шестнадцатый (!) раз, ребята, казалось, прочно обосновались на новом месте. Кстати, по этому радостному поводу было произнесено немало торжественных речей, и событие всесторонне освещалось местной печатью.

Но недолгой была радость дербентских пионеров. В погожий осенний день к их Дому безо всякого парадного шума подъехали машины, груженные письменными столами, конторскими шкафами и другой мебелью. С помощью

дюжих грузчиков поток канцелярской утвари немедленно устремился внутрь здания. В обратном направлении двинулось оборудование кружков «Умелые руки», изо, музыкального и других. Операция сопровождалась поощрительными возгласами товарища Алиева, который оказался здесь не случайно: в Дом пионеров вселялось возглавляемое им учреждение...

Ну, а как же пионеры? Пионеры временно приютились в одной из школ города, совершив семнадцатое и, хотелось бы надеяться, предпоследнее переселение.

В. БОЕВ

— Как живёт-работает Пётр Михайлович Кочетков?

— А кто он такой?

— Агротехник.

— С агротехником Кочетковым не знакомы.

Мы извлекли из кармана газету «Вышневолоцкая правда», где на первой странице красуется портрет молодого человека. Потом развернули газету «Калининская правда» с тем же портретом.

Обе газеты сообщали, что П. М. Кочетков выехал по призыву партии на работу в МТС.

— Ах, вот это кто! — вынуждены были вспомнить работники Вышневолоцкого горкома партии. — Нет, ничего определённого мы пока о П. М. Кочеткове сообщить не можем.

Да, нелёгким и даже тернистым оказался путь к работе в деревне старшего диспетчера Вышневолоцкого механического завода Кочеткова. Всё, кажется, должно было бы идти без особых затруднений. Пожелал человек жить в деревне — получай назначение, и в добрый час! Что тут сложного?

Так думал и Кочетков, когда после сентябрьского Пленума ЦК КПСС сообщил Вышневолоцкому горкому партии, что желает работать по специальности в Теренгульском районе, Ульяновской области, где он вырос и получил среднее сельскохозяйственное образование, где живут его родители.

Секретарь Вышневолоцкого горкома товарищ Кукушкин с радостью благословил молодого патриота:

— Вы поступаете правильно! Поезжайте работать в деревню. А мы вам поможем быстрее осуществить ваше желание.

И действительно помог. Несколько дней спустя он сообщил Кочеткову:

— Радуйтесь, дорогой товарищ: по нашей инициативе ваш портрет помещён в газетах. И по радио о вас говорили. И «Блокнот агитатора» про вас писал. Словом, в сводках вы числитесь деревенским жителем. Итак, продавайте чересчур громоздкие вещи, упаковывайте чемоданы и ждите: вызовем.

Неделю посидел человек на связанных чемоданах, другую, третью... Нет вызова.

Пришлось написать обо всём в Министерство сельского хозяйства СССР. Ответ, подпи-

санный сотрудником министерства товарищем Козловым, пришёл быстро: «При получении согласия об отпуске Вас из Калининской области Вам необходимо письменно связаться с областным управлением сельского хозяйства Ульяновской области о конкретной точке работы».

Молодой специалист спешно отправил письмо в Ульяновск. Через несколько дней товарищ Матвеев, начальник управления руководящих кадров Ульяновского областного управления сельского хозяйства, уведомил, что «работу в качестве агронома колхоза можем предоставить без выплаты проездных». Ознакомившись с депешей, товарищ Кукушкин рекомендовал директору механического завода товарищу Лучинову: «Оформить перевод Кочеткова на работу в МТС».

И, тем не менее, на заявлении агротехника появилась резолюция: «Оформить освобождение с завода».

— Не освобождение, а перевод, — возразил агротехник, показывая постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС. — И деньги на дорогу мне полагаются...

Директор равнодушно пожал плечами и объяснил, что поскольку он, Кочетков, освобождается с завода по собственному желанию, значит, стаж работы прерывается и никаких денег, кроме заработной платы, не полагается.

И вот сызнова, как три с лишним месяца назад, работники горкома партии со вниманием выслушивают просьбу специалиста и опять ведут спокойный разговор:

— Громоздкие вещи проданы? Проданы. Чемоданы упакованы? Упакованы. Чего ещё? Ах, деньги на дорогу?

— Не в деньгах дело, а в чутком отношении! — с горечью воскликнул специалист.

— Вот оно что! — обиделись работники горкома. — А портрет в газетах? Разве это не чуткость?

И попрежнему агротехник П. М. Кочетков безуспешно обивает пороги разных учреждений, пытается уяснить себе: «почему я всё ещё ни в городе Богдан, ни в селе Селифан?»

П. ДУДОЧКИН

г. Калинин.

ГЛАВК — ЭТО Я!

Рисунок Б. ПРОРОКОВА.

Переполох в Чердаклах

— Алло! Архангельское?

Молчание.

— Алло! Оглохли вы там?!

Молчание.

Звонки с разных мест следовали беспрерывно. Абоненты выходили из себя. Шутка ли! Вышел из строя коммутатор села Архангельского, связывающий два лесопрохоза, МТС и несколько сельсоветов...

Взбешённые абоненты упростили

пожаловаться на связистов в райком партии, самому секретарю товарищу Давыдову!

А за час до описываемых событий произошло следующее: на коммутатор села Архангельского, Чердаклинского района, Ульяновской области, позвонил абонент: — Рыжевнина мне. Да живо!

Узнав голос, дежурная телефонистка Шевлякова вздрогнула и торопливо соединила абонента с правлением колхоза «Власть Советов». Но там никто не отзывался.

— Никого нет, — виновато доложила телефонистка.

— Ничего не знаю! Ищите! Где

искать? А где хотите: дома, у соседей, в поле... Хоть из-под земли, да достаньте!

— Но я не имею права покидать дежурство, — зайкнулась было Шевлякова.

Но строгий абонент так на неё цыкнул, что она тут же забегала по селу в поисках председателя колхоза.

Поиски оказались безуспешными. Абонент метал громы и молнии. Читатель, наверное, уже догадался, что грозный абонент — это не кто иной, как секретарь Чердаклинского райкома партии товарищ Давыдов. Именно ему пришла в голову похвальная идея

сорвать Шевлякову с её служебного поста и на час вывести из строя важную телефонную линию.

Умышленное нарушение связи — проступок, уголовно наказуемый. Но вот вопрос, кого отдавать под суд: Шевлякову или Давыдова? На первую рука не поднимется. Второго?.. Второго неудобно как-то, ибо подобные случаи в его практике бывают частенько. Ведь не может человек вечно находиться под судом и следствием!

Может быть, Ульяновский обком партии подскажет нам выход из этого щекотливого положения?

Н. ЛАРИН

В АНГЛИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ

Сокращая из года в год строительство новых школ, английское правительство, как сообщает газета «Ньюс оф уорлд», не жалеет средств на постройку тюрем для малолетних правонарушителей.

— Как видите, джентльмены, правительство тратит огромные средства на воспитание подрастающего поколения...

КАК АМЕРИКАНСКОЕ РАДИО ОТКРЫЛО СВОБОДУ ПЕЧАТИ В США

Это сенсационное открытие было сделано недавно. Удалось обнаружить американскую свободу печати. Конечно, в самой Америке нельзя было совершить такого открытия. Американская свобода печати была обнаружена в «Крокодиле».

Опасаясь сенатора Маккарти, работники американского радио не читают коммунистической американской газеты «Дейли уоркер». Поэтому они доныне и не подозревали, что в США существует свобода печати. Но в «Крокодиле» они увидели переводы фельетонов из «Дейли уоркер». Тут-то и родилось сенсационное открытие. Не простым эмпирическим, а сложным логическим путём американское радио пришло к таким выводам:

Компартия в США издаёт свою газету.

Газета не привлекается правительством к ответственности, издатели и сотрудники газеты не наказываются.

Общий вывод: в Америке существует свобода печати.

Открытие потрясающее! Логика броневой! Впрочем, американцы узнали бы о том, что они счастливые обладатели свободы печати, ещё раньше, если бы во славу этой свободы печати не было запрещено в США распространение «Крокодила». Вот к чему приводят скороспелые мероприятия!

Не вступая в спор с американским радио, мы лишь подтвердим его выводы сценками с натуры. Жизненность и правдивость этих сценок, отображающих события трёх последних лет, надеемся, не станет оспаривать даже «Голос Америки».

В редакции газеты «Дейли уоркер»

— Могу ли я видеть редактора мистера Джона Гейтса?

— Только с разрешения тюремной инспекции.

— Разве редактор «Дейли уоркер» не принимает посетителей в редакции?

— Нет, он принимает посетителей только в тюрьме в назначенные для этого дни. Гуд бай!
— Гуд бай! Да здравствует свобода печати в Америке!

* * *

— Свободен ли корреспондент «Дейли уоркер» Джеймс Долсен?

— Нет, сэр, он не свободен.

— А когда он освободится? Я подожду бы.

— Пожалуйста! Он освободится через 20 лет.

— Нет, так я не дождусь. Слава американской свободе печати!

* * *

— Не скажете ли вы мне, где кабинет редактора Уолтера Лоунфелса?

— Вы хотите знать, где его камера? В федеральной тюрьме, сэр.

— Благодарю вас. Троекратное «ура» американской свободе печати!

* * *

— Я хотел бы передать рукопись издателю мистеру Трахтенбергу. Когда он принимает авторов?

— Передачи производятся в тюрьме в определённые дни.

— Могу ли я свободно передать то, что хочу?

— Да, вы свободны передать, а тюремные надзиратели свободны не принять.

— Да здравствует американская свобода печати!

В других редакциях

— Где редактор журнала «Политикал афферс» Джером?

— В тюрьме.

— Где сотрудники журнала «Пиплс уорлд» Ричмонд и Кеннеди?

— В тюрьме.

— А редактор Терри Петтус?

— В тюрьме.

— Кто же на свободе? Где же свобода?

— В тюрьме.

На одном заводе

— Здравствуй, босс.

— Здравствуй, Черри. Что у вас там нового?

— Токарь Смит замечен в том, что тайно читал газету «Дейли уоркер».

— Внесите его в чёрный лист и скажите, что он с завтрашнего дня свободен. Я не стесняю свободу моих рабочих.

— Пусть здравствует американская свобода, босс!

— Пусть! Когда у Смита не будет работы, у него будет свободное время для чтения этой газеты.

Полная свобода выбора

— Слушай, красное отродье! Мы тебе предоставляем полную свободу выбора: либо ты скажешь нам, кто дал тебе «Дейли уоркер», либо мы переломим тебе ноги и руки. Выбери свободно!

Торжество свободы

Сообщение: «Осуждённый на 20 лет редактор местной газеты был вчера освобождён от наручников».

Из чего делаются передачи американского радио

— Леди и джентльмены! Наша экскурсия находится в первом заготовительном цехе самой крупной в Чикаго скотобойни. Обратите внимание на этих свиней. Заметили ли вы их упитанный вид? Слышите ли вы их голоса?

— Слышим!

— Так вот, мы пройдем вдоль конвейера, и вы убедитесь, что современная техника не оставляет ни одного неиспользованного грамма от свиньи. Всё идёт в дело! Ещё недавно нашим девизом было: в свинье не пропадает ничего, кроме хрюканья и визга. Но этот девиз устарел. Ныне мы используем и эти составные части свиного материала.

— Каким образом?

— Мы записываем их на плёнку, отправляем на радио, и опытные редакторы изготавливают из них передачу в эфир. Это «Голос Америки». Так, недавно вы слышали замечательную передачу о свободе печати в США.

— Мы не нашли эту передачу достаточно убедительной.

— Наша продукция содержит только то, что есть в первично обрабатываемом материале.

Общий вывод

Да, в США есть ничем не ограниченная свобода капиталистов фабриковать, продавать, покупать печатное слово и радиослово. Газетные

плантаторы обладают невозбранной свободой покупать на невольничьем рынке человеческих душ чернильных рабов и гнать их на газетные полосы для посева и взращивания лжи, клеветы, идейного дурмана. Они обладают полной свободой растлевать сознание народа, натравливать одни народы на другие, призывать к агрессии и войне. Журналисты на этих плантациях верны своим хозяевам, трусливы, набожны.

И это чернильные рабы именуют американской свободой печати.

Да, есть в США газета, которая свободна от капиталистического рабства; она не продаёт и

не покупает своих убеждений. Эта газета, «Дейли уоркер», бескорыстно служит рабочему классу, трудящимся, народу. Вот уже 30 лет её работники бесстрашно делают своё трудное дело в обстановке свирепой реакции, в атмосфере разнузданного произвола. Журналисты этой газеты и других редких коммунистических изданий говорят своему народу только правду, и именно потому писатели и читатели коммунистической печати окружены густой цепью шпионов, жандармов и палачей в судейских тогах. То и дело под свист и улюлюканье буржуазных журналистов выхватывают из газеты «Дейли уоркер» редакторов и сотрудников, заковывают в железо и бросают в тюрьмы. Их семьи пытаются голодом. Всё делается для того, чтобы сломить свободную волю этих журналистов, поставить на колени, нагнать страх, заставить замолчать. Но с гордо поднятой головой проходят свободные журналисты коммунистической печати сквозь толпу своих палачей и мучителей, и миллионы американских простых людей знают, что в тюрьмах томятся лучшие, благороднейшие и достойнейшие сыны и дочери американского народа. Тюрьму они предпочитают добровольному рабству.

И это «Голос Америки» называет американской свободой печати.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Министерство юстиции США принимает меры к тому, чтобы не допускать импорта швейцарских часов в США.

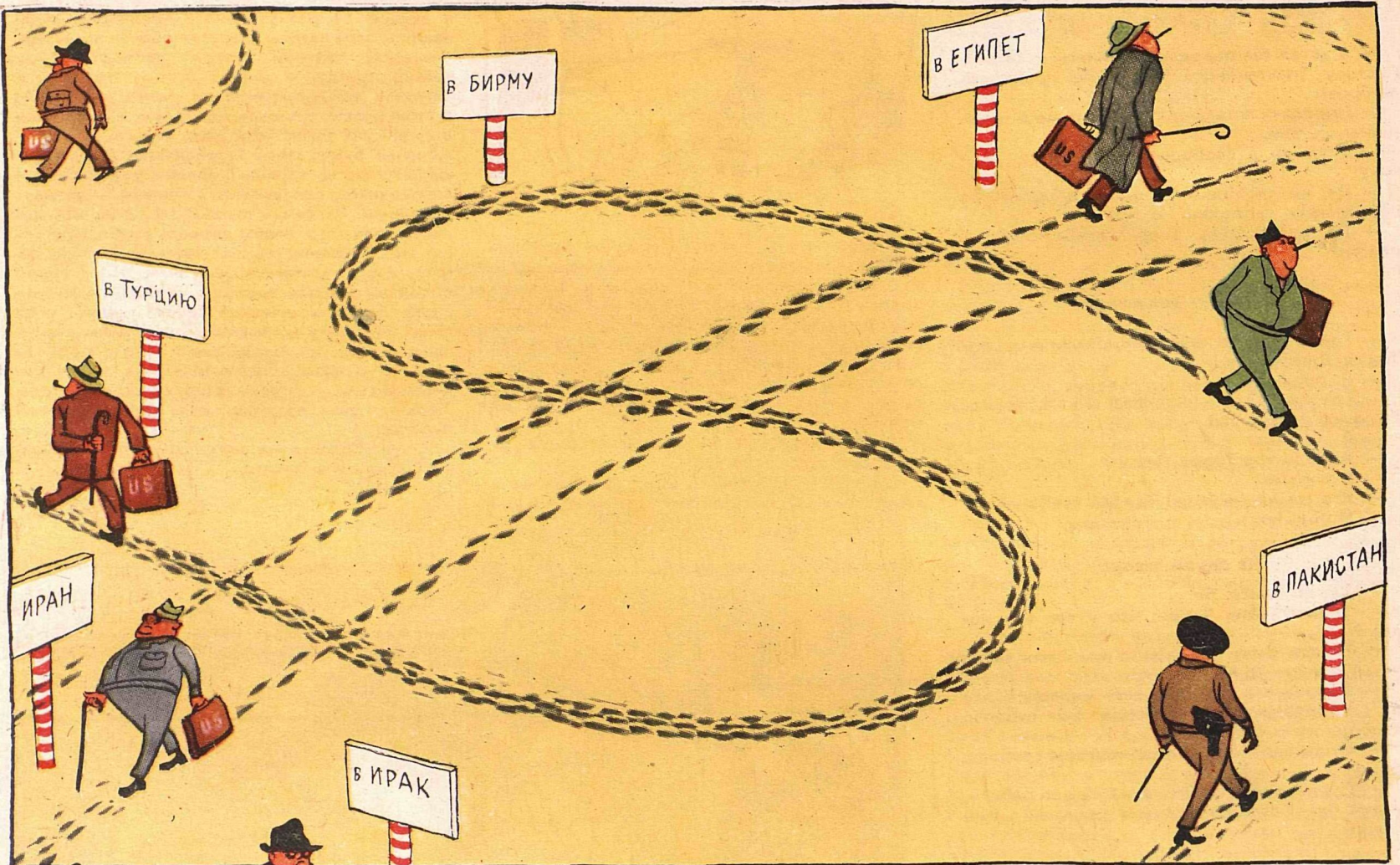
Рисунок Бориса ЛЕО.

— Прекрасные часы! Великолепно идут!
— Пусть идут, только не в Америку...

Поездки министра иностранных дел Пакистана Зафруллы-хана по странам Среднего и Ближнего Востока подозрительно совпадали с маршрутами американских деятелей, которые пытаются сколотить новый агрессивный блок в этом районе.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Дор Ефимов - 54.

Отчётливые следы.

Генеральская печаль

Бессонные ночи опасны в почтенном возрасте. Однако американским генералам не спится. Они нервничают. Их гложут сомнения, тяготят заботы. Пушки в Америке есть. Сложнее обстоит дело с пушечным мясом. Американец не хочет превращаться в убойную ради барышей пушечных королей. В ночном мраке генеральских спален возникает призрак солдата. Солдату осточертела «полицейская служба» в Корее, в Японии, в Западной Германии. Он рвётся к домашнему очагу.

Военная мысль Америки бьётся над жгучими, волнующими вопросами и проблемами. Много всяких комиссий и комитетов работало и работает в Вашингтоне. Истекший год был ознаменован деятельностью ещё одной комиссии в столице США. Её название: «Комиссия по вопросам энтузиазма». Возглавляет комиссию контр-адмирал Уомбл. Не только пехотинец является предметом её внимания. Комиссию интересует и моряк и лётчик. Энтузиазм нужен везде: на суше, на воде, в заоблачных высях. Спрос на энтузиазм растёт. Предложение энтузиазма падает.

«Повидимому, никогда ещё за всё последнее время солдаты и офицеры вооружённых сил не находились в такой апатии, как сейчас; никогда ещё моральное и материальное вознаграждение за их службу не казалось им столь непривлекательным».

Так пишет в газете «Нью-Йорк таймс» военный обозреватель Хэнсон Болдуин. Это не отсебятина мистера Болдуина. Он опирается на труды вышеупомянутой комиссии. Он певец генеральской печали.

Обозреватель выступает во всеоружии своей профессии. Его статьи изобилуют цита-

тами. Он ссылается на авторитеты: как горох из прорванного мешка, сыплются на газетные страницы имена генералов и адмиралов американской службы. Доморожденных гениев мало для автора — мистер Болдуин ищет доблестных поклонников Марса и за пределами Америки. Он ссылается на опыт английского фельдмаршала Александера, подвизавшегося в пору второй мировой войны в пустынях Африки, на фельдмаршала Слима, бывшего начальника английского имперского генерального штаба, даже на английского поэта Киплинга, умершего восемнадцать лет тому назад.

Не только рядовой солдат беспокоит военного литератора. «Глубокая духовная болезнь» распространилась на унтер-офицерский и даже на офицерский состав. Мистер Болдуин приводит авторитетное свидетельство генерал-лейтенанта Уиллиса Криттенбергера. Американская армия осталась без этого достопочтенного военачальника: в позапрошлом году он подал в отставку. Уходя на покой, генерал прощался со своими офицерами. В прощальной речи звучали пессимистические ноты.

— Меня, — говорил генерал, расставаясь с сослуживцами, — весьма беспокоят некоторые недавние инциденты, которые способствуют уменьшению уважения, проявляемого населением к армии Соединённых Штатов. Имеют место самые разнообразные нарушения долга, начиная от неправильного использования государственных средств, подделки счетов, азартных игр и кончая двоежёнством, пьянством и обманом в ущерб чести и приличию...

Генерал армии Омар Брэдли — птица более высокого полёта, чем цитировавшийся выше

отставной генерал-лейтенант. Брэдли негодует на американскую молодёжь. Более или менее способные молодые люди разочарованы в военной карьере. Они сомневаются в самой целесообразности этой карьеры. Её избирают люди второго и третьего сорта. Излагая мысли мистера Брэдли, мистер Болдуин делает вывод: «В конечном итоге, если сохранится нынешняя тенденция, можно ожидать лишь триумфа посредственности и резкого снижения морального духа».

Хэнсон Болдуин в своих статьях оперирует не только цитатами. Он опирается на данные статистики. Впрочем, статистика никак не устраивает военного обозревателя. Вот, например, дезертиры. Их много: «Около 3 тысяч человек дезертирует из армии каждый месяц». Одни бегут из армии досрочно, другие не хотят оставаться в армии сверх срока. Число заявлений о зачислении на сверхсрочную службу сократилось за последние годы в десять раз.

В общем Болдуин не видит радужной перспективы для покупателей пушечного мяса вплоть «до 1960 года, когда большое послевоенное увеличение числа детей отразится на увеличении числа юношей, достигающих призывного возраста».

Цыплят считают по осени. Расчёты военного писателя могут, конечно, провалиться в тартарары. Нищета и голод, империалистический строй жизни, обрекающий миллионы людей на вырождение и вымирание, — эти факторы не могут не учитываться трезвыми умами.

Впрочем, Болдуин не относит трезвость ума и взглядов к высоким человеческим качествам. Ратуя за то, чтобы были расширены права и привилегии военнослужащих, он вступает в острый конфликт с... обществами трезвости в Америке. Чёрт знает что такое делается в Америке! Лидер «Комиссии по вопросам энтузиазма» контр-адмирал

МИСТЕР ДЖЕКСОН СТРОИЛ

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

Уомбл и его ближайшие соратники не добились такого положения, какое занимает, например, знаменитая подкомиссия сенатора Маккарти «по расследованиям». Думалось, что контр-адмирал войдёт в историю как новый пророк и спаситель Америки, а уже на первых порах ему подставляют ножку. Болдуин критикует министра обороны Вильсона и его заместителя Кайса. Эти лица «не завоевали себе репутацию защитников вооружённых сил». Ведают ли они, что творят? Посудите сами, как смалодушничал Роджер Кайс.

«Фактически, — пишет Болдуин в газете «Нью-Йорк таймс», — в первой открытой схватке между влиятельными группами, оказывающими давление, и Пентагоном после опубликования доклада Уомбла Пентагон отступил. Заместитель министра обороны Кайс на прошлой неделе уступил давлению со стороны конгресса, которое было организовано группами трезвости и розничными торговцами спиртными напитками, и отменил правило, действовавшее всего лишь с лета, которое разрешало продажу спиртных напитков ящиками в офицерских и унтер-офицерских клубах на военных базах».

Господа офицеры делали бизнес — они спекулировали горячительными напитками. Коекому из конгрессменов этот бизнес показался излишней нагрузкой для господ офицеров. Конгрессмены стоят за «сухой закон» в военных клубах. Военные люди должны поклоняться богу войны Марсу и не приносить слишком обильных жертв другим божествам — Вакху и Бахусу.

Хэнсон Болдуин видит в этом акте, ограничивающем аппетиты военизированных спекулянтов, умаление достоинства и чести начальствующего состава американских вооружённых сил.

«Офицеры и солдаты вооружённых сил, и в особенности флота и морской пехоты, будут считать этот запрет ещё одним неприятным булавочным уколом в непрерывающихся нападках на их прежние скромные дополнительные доходы и привилегии».

Военный обозреватель и те, кто стоит за ним, делают ставку на такого янки в военной форме, который без зазрения совести грабит и убивает. Это их идеал солдата и офицера. Только такой тип и может олицетворять высокий моральный дух армии Уолл-стрит. Янки такого типа лихо орудовали в Корее; они дают знать о своём характере мирному населению стран, в которых находятся оккупационные войска и военные базы США.

Американский солдат Ричард Теннесон, пройдя суровую школу войны за низменные интересы американских монополистов, не пожелал вернуться в Америку. Из лагеря военнопленных он написал матери о своём глубоком разочаровании страной Жёлтого Дьявола. Ричард Теннесон заявляет: «За свою жизнь я был свидетелем и мира и войны в Соединённых Штатах. Я люблю мир, я люблю человечество. Я люблю их достаточно сильно, чтобы бороться за них... Не пойми меня ошибочно. Я попрежнему люблю свою семью, свой народ и свою страну... Поверь моему слову, что именно за них я и веду сейчас борьбу и что я не могу жить в Соединённых Штатах, потому что я желаю жить так, как я хочу».

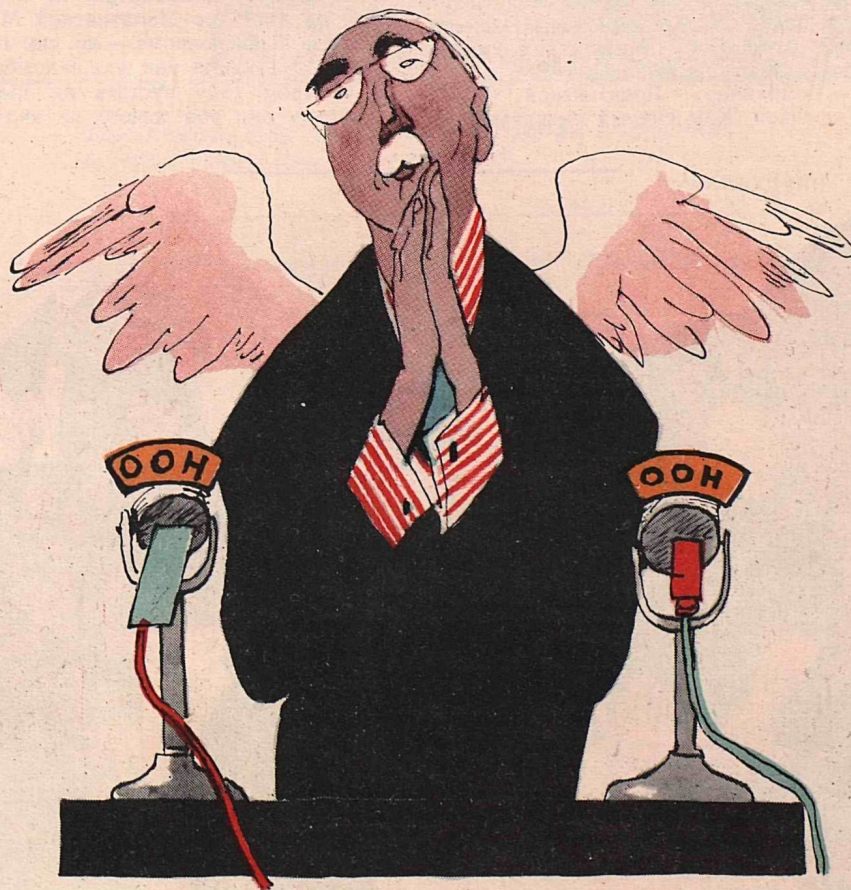
Деятелям «Комиссии по вопросам энтузиазма» страшны такие люди, как Ричард Теннесон. Генералы и адмиралы из этой комиссии вспомнили английского солдата Томми Аткинса, о котором писал поэт британского империализма Киплинг. О, Томми был послушной «серой скотинкой», его можно было гнать куда угодно, он ни о чём глубоко не задумывался, мог страдать и умирать, где ему прикажут генералы, — на берегах Ганга, под египетскими пирамидами, в лесах Трансвааля. О, если бы все молодые американцы в военной форме равнялись на Томми, взяли его за образец!

Генералы беспокойно ворочаются ночью в своих кроватях. Летают сны-мучители над их изголовьем. Томми им снится редко. Чаше снится Ричард. Военный обозреватель мистер Болдуин, восхваляя Томми и предавая анафеме Ричарда, отражает несбыточную генеральскую мечту и неизбывную генеральскую печаль.

И. РЯБОВ

военно-воздушные базы в Испании, военно-морские — в Турции

и в то же время строил из себя миротворца.

ТИХОН СЕМУШКИН

Дружеский шарж И. ИГИНА.

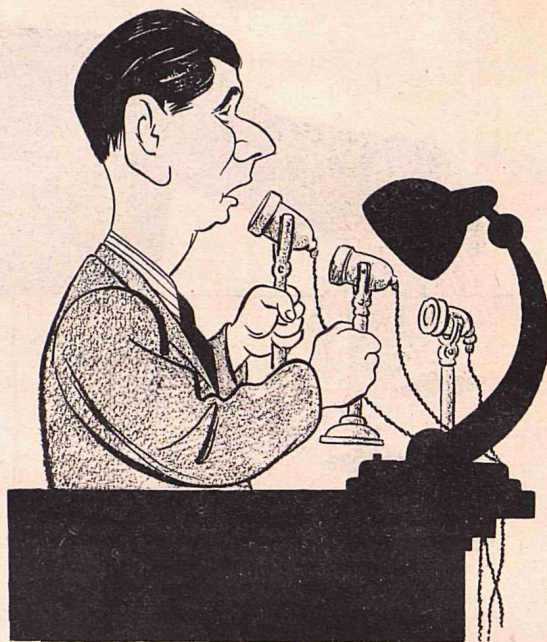

Читателя печалит это:
Упрятав в горы Алитета,
Затих он, Тихон, и вперёд
Давненько в гору не идёт.

В. ГРАНОВ

А. ЧАКОВСКИЙ

Дружеский шарж И. ИГИНА.

Он как оратор и докладчик знаменит.
Ах, если б он писал, как говорит!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

С. ЛАПТЕВ

ГАРМОНИСТ

(Пародия)

Жил-был парень там, где роща сонная,
Где рябины гроздь, как огонь.
У него была традиционная
С планками узорными гармонь.

И к тому ж, как это в песнях водится,
Парню кудри русые даны.
И в него девчата-хороводницы
Были поголовно влюблены.

Но вздыханья паренька не трогали,
Знай играй — его забота вся.
По стихам разгуливал он гоголем,
Гордо кудри русые неся.

Товаро-пассажирский комбайн

До самого последнего времени даже специалисты-машиностроители считали, что комбайн — уборочный агрегат. Но практика неожиданно внесла существенную поправку в это устоявшееся мнение.

Осенью прошлого года изумлённые колхозники Лопатинского района, Пензенской области, были первыми свидетелями новых качеств самоходного комбайна. Мимо них вдоль села Иванова лихо промчался — и не раз и не два — комбайнер Лопатинской МТС В. Н. Козаренков. Как смелый «новатор», он

энергично превратил уборочную машину в... товаро-пассажирский автобус. На комбайне он возил и пассажиров и заготовленные для себя дрова.

Крепкая машина выдержала прихоть изобретательного комбайнера, но как выдерживают её директор Лопатинской МТС и председатель райисполкома, — до сих пор остаётся тайной. Не иначе как ухарь-комбайнер сумел на быстром ходу пустить им пыль в глаза, и потому они оба ничего не видят...

Рисунок Г. ПИРЦХАЛАВА.

— У меня сегодня в гостях лучший друг, так что дайте, пожалуйста, вино отдельно, воду отдельно.

Остальные парни в дни весенние
Сиротливо бродят, ноги бьют.
Только и бывало им спасение,
Если уезжал он в институт.

Но стрижом летело времястрое,
Вскоре возвращался он опять,
И опять гармошка голосистая
Всей деревне не давала спать.

Парень, избалованный поэтами,
По стихам гулять не устаёт,
До сих пор не женится поэтому
И другим жениться не даёт.

Ангарск,
Иркутской области.

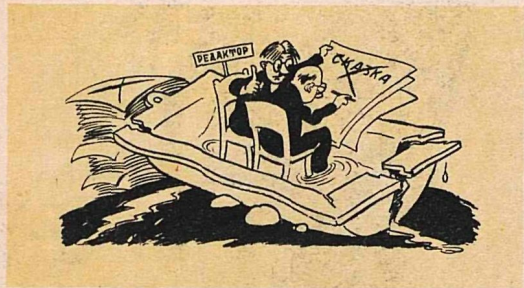

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

Дорогой Крокодил!

При чтении пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» тебе, наверное, не раз становилось жаль старика, которого так нещадно эксплуатировала своенравная старуха. Но да будет тебе известно, что нашлись люди, у которых это чувство вылилось в конкретную форму, и при их помощи труд старика был значительно облегчен.

Издатели сказки, руководители промкомбината Свердловского райсовета в Ленинграде, рассудили так:

— Поскольку старик закидывал два раза невод безрезультатно, то нечего об этом и говорить. Напишем сразу: «В третий раз закинул он невод...», — а первые две попытки опустим. Пойдём дальше. «Ещё пуще старуха бранится». Гм... Старухину несправедливую брань тоже вычеркнем, и после этой строки пойдёт следующая (!): «— Смилуйся, государыня рыбака...»

Короче говоря, дорогой Крокодил, руководствуясь этим методом, редакторы из промкомбината сократили сказку на две трети, и от сказки остались только рожки да ножки.

Теперь, глядя на эту сказку, невольно думаешь: «Мудрили, мудрили и оказались у разбитого корыта».

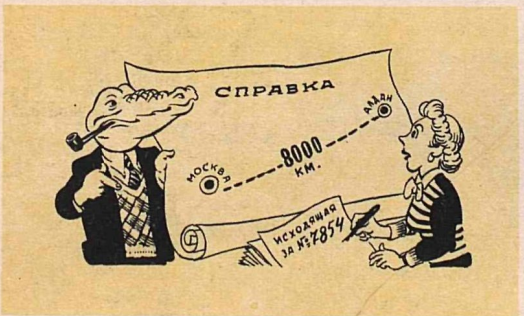
А. ВИХРОВ

г. Ленинград.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Мы пишем тебе издалека: от Алдана до Москвы — восемь тысяч километров. Будь другом, напомни об этом заместителю директора проектного института «Центрогипрошахт» товарищу Карповой. Сами мы с ней никак не говоримся...

Нам, видишь ли, нужны типовые проекты трансформаторных подстанций, а в «Центрогипрошахте» они имеются. Мы просим выслать нам эти проекты наложенным платежом, а то

варищ Карпова изъясляет в письменном виде желание предварительно получить от нас четыре килограмма писчей бумаги.

На наш взгляд, направлять такую посылку из Алдана в Москву смешно, и мы телеграфно просим приобрести эти «бумажные фонды» за

Рисунок Л. ГЕНЧА.

— Удивляюсь, как он переносит запах керосина?
— А тут керосином и не пахнет!

наш счёт в ближайшем московском магазине. И в ответ получаем бумагу на бланке с четырёхзначным номером. Если перевести её с канцелярского языка на русский, смысл ответа в общем таков: не пришлите бумажного сырья — не будет вам проектов...

А надёжные резервы такого сырья в руках у самой Карповой. И для мобилизации этих резервов никаких особо сложных мероприятий от неё не требуется: надо только сократить число необдуманных «исходящих».

По поручению строителей

Ю. РАТНОВСКИЙ,

начальник отдела капитального строительства треста «Якутзолото».

г. Алдан.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Не нужен ли тебе для научных исследований яркий факт воздействия фольклора на жизнь? Не так давно я послал в «Калининградскую правду» письмо о том, что в нашей области нет в продаже топоров, топорниц и других простых вещей домашнего обихода. Редакция с похвальной быстротой сообщила, что копия моего письма направлена в трест столовых и ресторанов для принятия мер.

Я долго не мог понять, почему именно в этот трест. Какое имеет отношение топор к кулинарии? И лишь впоследствии догадался, что редакционных работников сбила с толку сказка о солдате, сварившем суп из топора. Не потому ли они ищут топоры в ресторанах?

П. МЕЛЬНИК

г. Калининград.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 156. Подписано к печати 11/II 1954 г. Формат бум. 70 × 108½. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

А 00727. Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 437. Тираж 400 000 экз.

Американская пропаганда пытается выдать строительство военных баз США на территории западноевропейских стран за мероприятия по «оздоровлению» Европы.

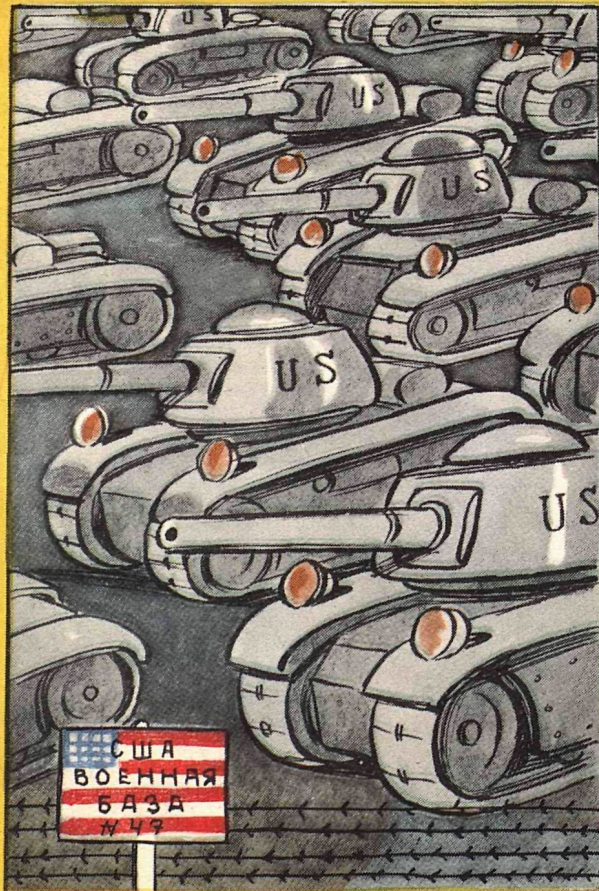
Всероссийская
военная палата
испыт. экземпляр
1954 г.

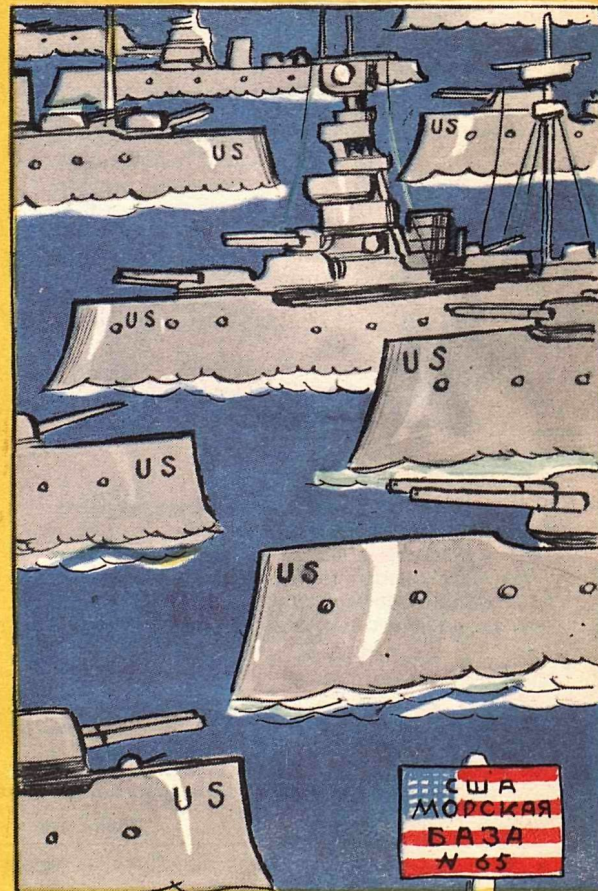
ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА: — Для того, чтобы я себя почувствовала лучше, мистер доктор, мне необходимо...

побольше солнца...

простора...

чистой воды.